

- Myadar O. 2009. Nomads in Fenced Land: Land Reform in Post-Socialist Mongolia. – *Asia Pacific Law and Policy Journal*. Vol. 11. P. 161–203.
- Rossabi M. 2005. *Modern Mongolia: from Khans to Commissars to Capitalists*. University of California Press. 418 p.
- Sneath D. 2003. Land Use, the Environment and Development in Post-Socialist Mongolia. – *Oxford Development Studies*. Vol. 31. No. 4. P. 441–459.

GOMBOZHAROV Aleksandr Dmitrievich, *Cand.Sci (Hist.)*, Senior Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Agombozh@gmail.com)

TRADITIONAL LAND USE OF MONGOLIAN NOMADS AND LAND CONFLICTS

Abstract. The article traces the main causes of land conflicts arising among modern nomads of Mongolia. The author connects the conflicts with the unsettled land legal relations, as well as with socio-economic reasons. Traditional land use faces competition from mining companies, tourist companies, and farmers engaged in crop production. In addition, there is internal competition among nomads for the use of pastures, associated with active migration processes.

Keywords: land conflicts, nomads, traditional land use, Mongolia

---

УДК 94 (517)

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Batunaevduard@mail.ru)

МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КОМИНТЕРНА

Аннотация. Внешнеполитический курс Советской России в 1920–1930-х гг. был направлен на распространение идей мировой революции и борьбы с международным империализмом. В связи с поражением революционного движения в Европе азиатское направление революционизации стало наиболее перспективным. Коминтерн выступал в роли своеобразного коридора для распространения идей мировой революции на Восток, и в первую очередь в Китай. В политике Коминтерна Монголия и связанный с ней монгольский вопрос занимали важное место в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов – панмонголизма. С изменением международной ситуации и военной угрозой со стороны Японии Коминтерн сосредоточил работу на укреплении собственных позиций, поддержке «левых» во внутривнутриполитической борьбе, а также двусторонних советско-монгольских отношений.

Ключевые слова: монгольский вопрос, Монголия, Советская Россия, Китай, независимость, политика, Коминтерн, монгольская революция 1921 г., геополитическое положение

В 1911 г. в результате национально-освободительного движения Монголия провозгласила независимость от Цинской империи. Главой монгольского государства в форме теократической монархии стал Джебцзун-Дамба-хутухта. В тех условиях царская Россия, преследуя свои экономические и политиче-

ские цели, поддержала вновь созданное монгольское государство и выступила в роли посредника в решении монгольского вопроса. Таким образом, с одной стороны, Монголия была своеобразным мостом в русско-китайской торговле, а с другой — представляла буфер, предохраняющий от возможной экспансии с востока. Тем самым монгольский вопрос оставался одним из приоритетных направлений не только внешней, но и внутренней политики России.

После подписания ряда договоров по решению монгольского вопроса (русско-монгольский договор 1912 г., русско-китайская декларация 1913 г., русско-китайско-монгольское соглашение 1915 г.) был определен юридический статус Монголии как широкой автономии в составе Китая. Это означало, что Монголия де-юре находилась в составе Китая, а де-факто была независимым государством. На тот момент такое положение Монголии отражало баланс сил, сложившийся между Россией и Китаем. Революция и Гражданская война в России по сути сломали действовавшую на тот момент Кяхтинскую систему 1915 г. и вывели на политическую арену новых акторов, тем самым существенно повлияв на расстановку сил в Центрально-Азиатском регионе.

Китай, воспользовавшись ослаблением России, в 1919 г. ликвидировал автономию Внешней Монголии, грубо нарушив кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. Китайский корпус под командованием генерала Сюй Шучжэна оккупировал столицу страны Ургу. В этих условиях в Монголии возникают первые революционные кружки с целью национального освобождения страны от китайских и белогвардейских оккупантов. Единственной страной, которая могла оказать помощь в борьбе за национальную независимость, стала Советская Россия. В связи с этим для обращения за помощью к Советской России была отправлена делегация монгольских революционеров — знаменитая «семерка» (Данзан, Лосол, Чагдаржав, Догсом, Л. Дэндэв Сухэ-Батор, Чойболсан). По мнению А.С. Железнякова, «в этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться на родину ни с чем или попытаться разобраться в логике большевистского видения будущего Монголии. В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и с советскими партнерами по переговорам у отдельных “кружковцев” зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью создания в Монголии своеобразной степной Коммуны» [Железняков 2001: 49]. Идеологической основой перехода Монголии к «некапиталистическому пути развития» стало высказывание В.И. Ленина на встрече с монгольской делегацией: «...единственно правильным путем для... вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России» [Ленин 1983: 246]. Более того, руководство большевиков рассматривало азиатские страны как один из наиболее перспективных регионов для продвижения идей мировой революции. В 1919–1920 гг. исполком Коминтерна создал ряд органов, занимавшихся проблемами национально-освободительного движения в разных регионах мира. Координацию всей работы по развертыванию национально-освободительной борьбы осуществлял восточный отдел, созданный по решению бюро ИККИ от 11 декабря 1919 г. [Адибеков 1997: 10].

При Сиббюро РКП(б) была организована секция восточных народов, в которую вошли китайский, корейский, монголо-тибетский, японский отделы. В ходе реформирования секция перешла в ведение Дальневосточного секретариата ИККИ [Адибеков 1997: 26]. Его руководителем был назначен известный революционер, член реввоенсовета 5-й армии, член Сибревкома, уполномоченный Наркомата иностранных дел на Дальнем Востоке Б.З. Шумяцкий. Особая заслуга Б.З. Шумяцкого состояла в привлечении в Монголию кадров,

способных трудиться на различных участках государственной и хозяйственной деятельности. В Монголии работали видные представители бурятской национальной интеллигенции, такие как Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Б. Ишидоржин, которые сыграли важную роль в становлении нового монгольского государства. Секция, являвшаяся фактически филиалом Коминтерна, была основным центром «революционной дипломатии» в сопредельных странах Дальнего Востока. В задачи секции входили подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Японии, Корее и Монголии; военно-техническая и идеологическая помощь оппозиционным силам (не обязательно коммунистическим) в этих странах; подготовка профессиональных революционеров из числа национальных кадров. Л.Б. Жабаева в деятельности Коминтерна в Монголии первой половины 1920-х гг. выделяет два основных направления: «Во внешнеполитическом плане... большевистские руководители рассматривали Монголию как вполне конкретный плацдарм продвижения революции вглубь Азии, как перевалочную базу снабжения китайских революционеров. Во внутреннем плане проводилась линия на упрочнение позиций ВКП(б), Коминтерна и Советов, на преодоление упорного противодействия и даже противоборства со стороны правительства МНР, выступавшего за самобытный путь развития» [Жабаева 2001: 272].

После того как барон Унгерн захватил Ургу и изгнал оттуда китайцев, задача Коминтерна с политической точки зрения стала значительно проще. На первый план выдвигается борьба с бароном Унгерном. Делу освобождения Монголии был придан характер ликвидации «классового врага» и уничтожения опасного для советских границ плацдарма в Монголии. В военном отношении существовали два варианта уничтожения Азиатской дивизии Унгерна. Руководитель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З. Шумяцкий предложил план разгрома Унгерна путем завлечения его к советской границе с использованием в качестве приманки монгольских революционных отрядов. «Этот план, — отмечал он в одном из писем наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину, — позволил бы избежать изнурительного... и не нужного для советской России похода на Ургу». Другой подход, разработанный в правительстве ДВР, наоборот, предусматривал военный поход на столицу Внешней Монголии [Монгол ардын... 1971: 74].

В связи с этим все более активизировалась деятельность Коминтерна в Монголии, направленная на всемерное содействие китайской революции, усиление советского и коминтерновского влияния на монгольской территории. Деятельность монголо-тибетского отдела секции восточных народов (далее — Секвостнар), общей задачей которого было революционизирование монголо-тибетской массы, распространение на нее влияния Советской России и вовлечение в борьбу с мировым империализмом в его азиатских проявлениях, должна была строиться на безусловном учете особенностей, которые являются результатами экономического уклада этих двух стран и их исторической судьбы. В планы монголо-тибетского отдела Секвостнара входили установление отношений с Тибетом, организация отделов партии в крупных центрах Монголии, вербовка способных агитаторов, создание агентуры и т.д. В связи с этим было принято решение о создании политической и военной школы в г. Иркутске для подготовки кадров с преподаванием на монгольском языке. По линии Коминтерна оказывалась существенная помощь: снабжение финансами, военными инструкторами из числа бурятов и калмыков, а также поставка оружия и других материальных средств. Уже на данном этапе Коминтерн предлагал использовать в Монголии «панмонгольскую основу для революционного движения», что дало бы «положительный материал к... пробуждению

национального самосознания монголов»; «тактику единого фронта всех слоев населения Монголии на почве активной революционной борьбы с китайским империализмом». Левые лозунги, направленные на разжигание классовой борьбы внутри Монголии между аратами и князьями, и организацию совдепов Коминтерн считал преждевременными, сохраняя их на будущее [Лузянин 1995: 75]. Коминтерн для достижения своей цели в деле распространения мировой революции поддерживал панмонгольские устремления, стремясь использовать многочисленные монголоязычные народы Внутренней Монголии для революционизации Китая. В связи с этим поддерживались связи по линии Коминтерна с НРП Внутренней Монголии.

Стратегически Китай оставался соперником Советской России в связи с тем, что последняя оказывала помощь монгольским революционерам, борющимся за независимость, но тактически в конце 1919 – начале 1920 г. коминтерновское руководство рассматривало его как возможного временного союзника в борьбе с семеновским режимом и влиянием «старой» России. По мере подготовки коммунистических групп из китайского, монголо-тибетского, корейского, японского отделов секция восточных народов перебрасывает их в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах как «партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну» [Лузянин 2000: 89].

Необходимо отметить, что советская власть не хотела в этот период портить отношения с китайским режимом из-за Монголии и открыто включаться в монгольские дела. Идея Китайской Федерации, прозвучавшая на переговорах в Иркутске и Москве, была вновь обозначена в Платформе (программе) Монгольской народной партии, принятой 1–3 марта 1921 г. в г. Кяхте. В ней, в частности, говорилось: «МНП стремится: в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне – сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)» [Лузянин 2000: 232].

В следующем пункте говорилось о том, что поскольку Китай населяют многие народы, различные по происхождению и вероисповеданию, то его следовало бы разделить на несколько независимых государств – Южный Китай, Северный Китай, Сычуань, Тибет, Туркестан, Маньчжурию, Монголию, которые были бы связаны договором о взаимопомощи. Это было бы договорное (федеративное) Среднее государство, которое могло бы успешно бороться с внешними империалистическими странами и МНП за участие в таком государстве [Монголия в документах... 2012: 28-29].

Но в то же время Коминтерн постоянно контролировал вопросы политики, идеологии и организации не только своих коммунистических секций, но и сочувствующих партий, не всегда учитывая условия этих стран, предъявляя к ним требования единого образца, зачастую бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, навешивая на сомневающихся в его политике ярлыки «правых» или «левых» оппортунистов и даже решая судьбу их руководителей. Кроме того, президиум ИККИ принял специальную резолюцию по монгольскому вопросу, на содержании которой сильно сказались итоги V Конгресса Коминтерна (июнь–июль 1924 г.), выдвинувшего задачу большевизации партий-секций. Главный смысл резолюции – распространить идеи большевизации на МНП (хотя эта партия была лишь «сочувствующей»), добиться реализации политического курса «левых» [История Монголии... 2007: 75]. По мнению монгольского историка О. Батсайхана, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на “правых” и “левых”, а также по делению на “сельских” и “городских”, “старых”

и «молодых»» [Батсайхан 2014: 203]. Коминтерн и его полномочные представители в Монголии стремились пересмотреть ориентацию на национально-демократическое развитие страны, организовать внутри монгольского общества силы, признающие социалистические цели и борющиеся за то, чтобы противопоставить «левых» монгольских руководителей «правым». Вместе с тем следует упомянуть о серьезном личном и политическом конфликте представителя Коминтерна МНР Турара Рыскулова с видным бурятским деятелем Э.-Д. Ринчино, командированным в Монголию Дальневосточным секретариатом Коминтерна в 1921 г. в качестве советника правительства. Э.-Д. Ринчино в Монголии участвовал в разгроме частей барона Унгерна, за что в 1922 г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Ринчино в своих взглядах удивительным образом пытался совместить идеи панмонголизма и мирового революционного движения, которые, в свою очередь, не совпадали с общей политикой коминтерновского руководства. Борьба Т. Рыскулова и Э.-Д. Ринчино проявлялась через призму личной неприязни и соревнования за влияние. Следует отметить, что в углублении конфликта определенную роль сыграла позиция полпредства в лице А.Н. Васильева, поддерживающего Э.-Д. Ринчино и имевшего старые счёты с Т. Рыскуловым по Туркестану [Рошин 1997: 63]. Тем не менее было сделано немало полезного по содействию активизации всей общественной жизни, разработке важных документов. В то же время были допущены промахи и ошибки: слабый учет местных особенностей, авторитарные методы, чрезмерный радикализм. Рыскулов разделял бытовавшее в Москве мнение, что пора освободить монголов от влияния Ринчино. 15 июня 1925 г. ЦК МНРП на закрытом заседании принял решение обратиться в ИККИ с просьбой отозвать в Москву и Рыскулова, и Ринчино [Лузянин 1996: 70]. По мнению С.К. Рошина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов». По существу, тогда, в феврале 1927 г., национальные демократы кратко сформулировали свое политическое кредо, суть которого заключалась в укреплении монгольских национальных корней (т.е. в обеспечении национального возрождения Монголии), устранении разграничений на ургинцев и худонцев, на «старых» и «новых». Правда, вскоре под давлением коминтерновской политики партийное руководство отмежевалось от этого призыва, но он был популярным и в известной мере фактически продолжал действовать.

К 1928 г. в руководстве ВКП(б) и исполкоме Коминтерна (ИККИ) укреплялась линия на усиление борьбы с «правой опасностью» в МНР. На VII съезде МНРП (23 октября – 11 декабря 1928 г.) национальные демократы («правые») потерпели поражение. Решающую роль в этом сыграла делегация Коминтерна, которая руководствовалась резолюцией ИККИ по монгольскому вопросу от 14 сентября 1928 г. [Рошин 1997: 59]. В начале 1932 г. в Москве пришли к выводу, что настала пора детально обсудить монгольский вопрос в связи с сигналами об ухудшении положения в стране, о разногласиях в монгольском руководстве и среди советских и коминтерновских представителей. Это означало, что многолетняя практика работы уполномоченных Коминтерна заканчивалась, Москва решила переходить на «единоначалие». Курс брался на приоритеты двухсторонних межпартийных связей между ВКП(б) и МНРП и межгосударственных отношений между СССР и МНР [История Монголии... 2007: 94]. Политика МНРП, направленная на форсированное строительство социализма и переход к «некапиталистическому пути развития», получила название левого курса. Ошибки и перегибы проводимого курса, в частности антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов на монастырские

хозяйства, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом чего стало восстание в Монголии в 1932 г. Восстание было жестоко подавлено с помощью вооруженных сил МНРА, его участники были подвергнуты преследованиям и репрессиям. На III чрезвычайном пленуме ЦК МНРП были приняты решения, направленные на исправление ошибок «левого курса», которые вошли в историю под названием политики «нового курса».

Таким образом, политика Коминтерна в Монголии, с одной стороны, проводилась в рамках продвижения идей мировой революции на Восток, где Монголия выступала в роли плацдарма для революционизации Китая с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, идей панмонголизма, а с другой — для укрепления собственных позиций Коминтерна и советских партийных структур во внутривластной борьбе и реализации планов по некапиталистическому развитию Монголии. С изменением международной ситуации в 1930–1940-х гг., связанным с агрессивными планами Японии, внешнеполитический курс Коминтерна в Монголии был пересмотрен в сторону укрепления обороноспособности и развития советско-монгольских межпартийных связей.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Список литературы

- Адибеков Г.М. 1997. *Организационная структура Коминтерна. 1919–1943*. М.: РОССПЭН. 287 с.
- Батсайхан О. 2014. *Монголия на пути к государству-нации (1911–1946)*. Иркутск: Отгиск. 384 с.
- Жабаева Л.Б. 2001. *Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов*. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ. 334 с.
- Железняков А.С. 2001. Рождение монгольского коммунизма. — *Вестник Московского университета*. Сер. 13. № 1. С. 46–60.
- История Монголии XX век* (под ред. Р.Б. Рыбакова, Г.С. Яскиной). 2007. М.: Институт востоковедения РАН. 448 с.
- Ленин В.И. 1983. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 44. 662 с.
- Лузянин С.Г. 1995. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924). — *Проблемы Дальнего Востока*. № 9. С. 71–84.
- Лузянин С.Г. 1996. Коминтерн, Монголия и Китайская революция 1925–1927 гг. — *Восток*. № 1. С. 65–75.
- Лузянин С.Г. 2000. *Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: Институт Дальнего Востока РАН. 268 с.
- Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)* (под ред. Б.В. Базарова). 2012. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 480 с.
- Рошин С.К. 1997. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.). — *Материалы VII Международного конгресса монголоведов*. Улан-Батор, август 1997 г.: доклады российской делегации. М.: РАН. С. 59–64.
- Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал* (1921 оны гуравдугаар сарын 1–3. Ундсэн баримт бичгууд) [*Первый великий хурал Монгольской народно-революционной партии*. 1–3 марта 1921 г. Основные документы]. 1971. Уланбаатар. 217 с.

BATUNAEV Eduard Vladimirovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Batunaeveduard@mail.ru)

MONGOLIAN QUESTION IN THE POLICY OF THE COMINTERN

Abstract. The foreign policy course of Soviet Russia in the 1920s–1930s was aimed at spreading the ideas of the world revolution and the struggle against international imperialism. In connection with the defeat of the revolutionary movement in Europe, the Asian direction of revolutionizing has become the most promising one. The Comintern acted as a kind of corridor for spreading the ideas of the world revolution to the East, and China foremost. In the policy of the Comintern, Mongolia and the Mongolian question associated with its playing an important role in promoting revolutionary ideas using the national liberation movement of Mongolian peoples (panmongolism). Later, with the changing international situation and regarding the military threat from Japan, the Comintern concentrated its work on strengthening its own positions, on supporting the Left in the domestic political struggle, as well as on bilateral Soviet-Mongolian relations.

Keywords: Mongolian question, Mongolia, Soviet Russia, China, independence, politics, Comintern, Mongolian revolution of 1921, geopolitical position

---

УДК 94(71).06; 94(71)»1939/45»; 94(47).084.8

УЧАЕВ Антон Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; uchaevan@gmail.com)

ВОСПРИЯТИЕ И ТРАКТОВКА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ КАНАДЫ У.Л.М. КИНГОМ

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов канадского премьера У.Л.М. Кинга на значение и роль Сталинградской битвы для Второй мировой войны. Автор, опираясь на дневники лидера Канады, приходит к выводу, что У.Л.М. Кинг признает мировой масштаб победы РККА на Волге, но в целом исповедует вполне макиавеллистский подход к борьбе СССР с нацистской Германией. Как видно из использованных в статье источников, для канадского политика Сталинградская битва — это в первую очередь важный фактор, ведущий в перспективе к поражению Германии, а не триумф советских войск.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Канада, Уильям Лайон Маккензи Кинг, СССР, Великая Отечественная война, Сталинградская битва

Проблема изучения Второй мировой войны остается чрезвычайно актуальной по сей день не только для нашей страны, но и для всего мира. Общемировой конфликт 1939–1945 гг. привел к структурным изменениям в политике, экономике, военном деле, социальной сфере. Последствия этой войны мир ощущает в разной степени и сегодня. Дополнительной проблемой является то, что итоги и результаты мирового конфликта используются для политических целей и далеко не всегда их трактовка носит абсолютно беспристрастный и адекватный характер. Данная ситуация обусловлена тем, что историки пока не сумели создать максимально объективное всеохватывающее полотно той войны. Одной из причин этой проблемы является то, что основной акцент при изучении событий 1939–